

В магазин за святым Граалем

История Денниса Козловски – это притча из реальной жизни о тех, кто считает, что счастье заключается в вине, женщинах и веселье, когда обладаешь властью пополнять любые запасы простым щелчком пальцев. Хотя масштабы appetитов Козловски делают эту историю гротескной, однако его непомерные запросы позволяют нам легче видеть, каковы в действительности наши общие стремления. Козловски хотел быть богатым. Он считал, что богатство приведет к безграничным удовольствиям, а достижения – к славе. Он стал одержим удовлетворением своих желаний, невзирая на последствия для других людей. Таким образом, Козловски – это воплощение стремления многих современных людей к личной независимости, определяемой как свобода от любых ограничений с дополнительным «бонусом» в виде пренебрежения законом. Его конечная цель заключалась в том, чтобы делать все, что ему заблагорассудится, – быть самому себе богом.

Наверное, где-то существуют святые, обладающие иммунитетом к песням этих сирен, но я к их числу не отношусь, да и вы, подозреваю, тоже. Несмотря на всю экстравагантность истории Козловски, я вполне могу отождествить себя с ним. Мы оба – выходцы из небогатых семей. На мое мировоззрение сильно повлияли образы очередей за хлебом в период Великой депрессии, и я поклялся себе, что ничего подобного со мной больше никогда не произойдет.

У нас обоих было огромное стремление к успеху. При поступлении в колледж я победил в конкурсе на получение стипендии, и с того момента был полон решимости преуспевать. Однажды вечером, уже будучи студентом выпускного курса, я обсуждал с одним из одноклассников наше будущее. Это происходило в разгар Корейской войны, и мы оба вступили в армию: я – в морскую пехоту, а мой друг – в военно-морской флот. Когда мы обсуждали, чем займемся

по окончании службы, мой друг сказал: «Я хочу жить ва-банк. Лучше взлететь к солнцу, рискуя упасть опаленным, чем вообще никогда не попытаться в жизни счастья». Я по натуре был тоже рискованным парнем, и потому принял эту идею с энтузиазмом. Мы пожали друг другу руки и сказали: «Мы оба добьемся больших успехов и будем зарабатывать по десять тысяч долларов в год». В 1952 году это была огромная зарплата.

После службы в морской пехоте я начал взбираться по карьерной лестнице, окончив вечернюю юридическую школу и параллельно работая на одного из сенаторов США. Затем, в возрасте всего лишь тридцати лет я стал соучредителем адвокатской конторы, как оказалось, очень успешной. Спустя восемь лет я уже работал в офисе, смежном с кабинетом Президента Соединенных Штатов. Я сдержал слово, данное моему однокашнику.

И все же, находясь на пике власти, я понял, что так называемая «счастливая» жизнь пуста и бессмысленна. Думаю, и Козловски на пике своего богатства и славы, окруженный полуобнаженными нимфами, вином и песнями, ощущал точно такую же пустоту и бессмысленность. Что делать, когда вечеринка подходит к концу?

В глубине души каждый из нас понимает, что в жизни должно быть что-то большее, чем деньги и слава. Нам нужно увидеть эти подделки в истинном свете, понять, что они – лишь мишура, а не то, чего на самом деле жаждет наша человеческая природа. Но это весьма непросто признать в нашей потребительской культуре, так высоко превозносящей расточительность.

За одно поколение Америка пережила драматическую трансформацию из общества производителей в общество потребителей. Тридцать лет назад мы оценивали нашу экономику по объемам того, что производим. На текстильных фабриках Юга работали сотни тысяч человек, а наибольшей проблемой крупных промышленных центров были вредные выбросы из гигантских дымовых труб. Америка была двигателем мировой экономики. Сегодня же мы оцениваем нашу экономику по тому, сколько тратят потребители. Посмотрите, как экономисты строят свои прогнозы, опираясь на результаты соц-опросов потребительской уверенности, насколько рынок оправдывает ожидания рождественских распродаж.

Преобразившись из общества производителей в общество потребителей, мы совершенно отвернулись от протестантской трудовой этики, которая подпитывала бурный экономический рост в нашей стране в XIX веке. Ее основной тезис заключался в том, что человек

должен усердно трудиться, быть бережливым, экономить и производить. Отсрочка удовольствий считалась добродетелью.

Но сегодня отсрочку удовольствий рассматривают как нарушение какого-то неотъемлемого, естественного права, чуть ли не конституционного, по убеждению многих. Покупай, даже если это тебе не по карману. В 2004 году совокупный потребительский долг достиг рекордной отметки в 2,03 триллиона долларов. За период с 1989 по 2001 годы долги среднестатистической американской семьи по кредитным картам* возросли на 53 процента. Количество личных банкротств увеличилось на 125 процентов.¹ Выражаясь простым языком, это означает, что очень многие привыкли тратить больше, чем у них есть.

Консюмеризм оказал огромный трансформирующий эффект не только на характер трат, но и на убеждения и ценности американцев и европейцев. Образцовым представителем потребительского века вполне можно было бы назвать молодую стилистку по прическам из Вашингтона по имени Джеми Гавиган, историю которой описывала газета «Washington Post».² Джеми работает по девять часов в день, пять дней в неделю в тесной комнатухе одного из модных салонов красоты. Ее клиенты платят целых 285 долларов за то, чтобы она промелировала им локоны, и по полтора месяца ожидают своей очереди. Заработок Джеми измеряется солидным шестизначным числом.

Она тратит свои деньги на дорогостоящие покупки. Каждый год Джеми совершает осенний шоппинг-тур по нью-йоркским магазинам «Barney», «Gucci», «Louis Vuitton» и обязательно наведывается в свой персональный рай – обувной бутик «Manolo Blahnik» на западной стороне 54-й улицы. Цены на обувь «Manolo Blahnik» колеблются от 445 долларов за замшевые туфли-лодочки до более чем 1100 долларов за ботинки. Личная коллекция Джеми Гавиган составляет 37 пар «Manolo Blahnik», которые в общей сумме, по скромным оценкам, обошлись ей более чем в 20 тысяч долларов. Во время одного из своих последних туров она заплатила 900 долларов за вечернюю сумочку из белого меха и 1700 – за замшевую куртку от дизайнера Майкла Корса. За каждый свой «налет» на Нью-Йорк Джеми «сбрасывает» тысячи долларов.

Менталитет супер-шоперов, подобных Джеми, хорошо описала Кристина Келли Симко – пятидесятилетняя вице-президент одной рекламной компании. Она говорит о чувстве безопасности, которое испытывает, наполняя свой дом разными вещами. Кристина поддерживает контакт со многими торговыми сетями, включая «Neiman

* Это долги по текущим расходам; они не включают в себя ипотеку, кредиты на автотранспорт, образование и проч. – *Прим. ред.*

Marcus», «Sacks» и «Nordstrom», где ее очень ценят как постоянную клиентку. «Ты живешь словно внутри маленького мира, в окружении людей, которые буквально опекают тебя. Они стараются угодить твоим желаниям, подбирают туфли твоего размера и беспокоятся о том, чтобы сразу позвонить тебе, как только приглянувшаяся тебе сумочка ‘Chanel’ появится в бежевом цвете». ³ Любимое приобретение Кристины – прошитая золотыми нитками сумочка от «Chanel». «Это – мое сокровище... – говорит она. – Мой маленький святой Грааль». ⁴

Эйприл Уитт, автор статьи о Джеми Гавиган и других супершоперах, отмечает: «Консюмеризм одержал триумфальную победу в идеологических войнах XX века, отвоевав территорию одновременно у религии и у политики. Теперь миллионы американцев следуют по этому пути в надежде обрести в жизни цель, смысл, порядок и трансцендентный восторг». ⁵

Один из теоретиков потребительского общества, Джеймс Твитчелл, видит в этом «покупательском просветлении» некое подобие спасения: «Люди переживают те же самые чувства: ‘Вот оно! Я нашел! Я спасен!’» Он защищает консюмеризм как систему верований: «Походы по магазинам куда справедливее старых систем, где ранг определялся происхождением и, в основном, был неизменным. Если же говорить о конкурентном консюмеризме, то он гораздо менее кровавопролитный, чем эпические сражения из-за споров о том, чей бог более велик». ⁶

Мы пришли к тому, что рассматриваем деньги как ключ к удовольствиям, а удовольствия считаем ключом к счастью. Это определение счастья превратилось в *summit bonum* – величайшую добродетель американцев. Как выразилась одна журналистка: «Если вы не гонитесь за деньгами, тогда за чем вы гонитесь? ... Счастье – вот новое мерило всего». ⁷

Это убеждение настолько слилось с американской культурой, что запутались даже те, кто должен был бы понимать, что к чему. Согласно недавним исследованиям, более половины евангельских христиан согласны со следующим утверждением: «Цель жизни – это радость и личное счастье». ⁸

Но действительно ли консюмеризм *действует*, как некая система верований? Можно ли достичь счастья, став богатым директором корпорации или приобретая дорогие вещи? Мне задали этот вопрос, хотя и в несколько иной форме, на одном собрании в Хоб-

Саунде, штат Флорида, – укромном уголке для самых богатых. Одна моя знакомая, которая живет там, устроила вечеринку и пригласила меня поделиться с ее гостями историей моей жизни.

Прибыв в тот вечер, я увидел огромный белый навес, натянутый над большой лужайкой позади роскошного дома моей знакомой, который стоял прямо у моря. Это было потрясающе красивое зрелище. В пять часов вечера начали неторопливо собираться гости – большинство из них в вечерних нарядах. Выпив коктейли и прослушав мое короткое выступление, все они должны были разъехаться по своим клубам, ужинам и вечеринкам. Я часто бывал в обществе влиятельных и богатых людей. Многие из них, включая некоторых из присутствовавших на том мероприятии, вели себя так, словно Бог сотворил мир исключительно для них и им подобных.

В лучах закатного солнца я рассказывал свою историю, а люди слушали – в основном, с безразличием, по большей части, деланным. На вечеринках в Хоб-Саунд нечасто можно было услышать подобные разговоры, посягающие на человеческие удовольствия. Если люди и проявляли хоть какой-то интерес к моим словам, то уж точно не намеревались показывать это перед остальными гостями.

Окончание моего выступления встретили уважительными, но лишенными всякого энтузиазма аплодисментами. По совету пригласившей меня хозяйки я сказал, что готов ответить на вопросы. Несколько человек спросили меня об Уотергейте, Никсоне и политике, и ни один – о моем обращении в христианство или о тюремном опыте.

Через несколько минут вперед вышла хозяйка дома и мило-стиво объявила: «Еще один, последний вопрос». Какой-то мужчина, который стоял с коктейлем в левой руке, небрежно облокотившись на столб навеса, махнул рукой в сторону моря и сказал: «Мистер Колсон, как видите, все мы живем здесь очень хорошо». Бухта Хоб-Саунда была заполнена большими, элегантными яхтами. «Никому из нас, конечно же, не пришлось пережить то, что пережили вы, переехав из Белого Дома в тюрьму. Что бы вы сказали таким людям, как мы, у которых в жизни нет проблем?»

Несколько секунд я пристально смотрел на него, а потом ответил этому мужчине, что еще не встречал тех, у кого не было бы проблем. И если присутствующие на вечеринке действительно таковых не имеют, то позже я хотел бы побеседовать с ними, чтобы выяснить, как им удалось этого достичь. Я согласился с тем, что окружающая обстановка – действительно царская, и гости явно обладают всеми так называемыми жизненными благами. «Тем не менее, – добавил я, – хочу поставить вашу предпосылку под сомнение. Например, о чем вы будете размышлять на смертном ложе, осознавая, что вот-вот лишитесь всего этого?»

Вид мужчины напомнил мне внезапно сдутые мехи. Его лицо съезжилось, отражая внутренние терзания. Над собранием повисла неловкая тишина, и я был признателен хозяйке, объявившей о завершении моего выступления. Следующий час я провел, выслушивая рассказы про людские горести – разводы, семейные ссоры, гражданские иски, проблемы с наркотиками, своевольные дети и тому подобное. Никто не откликнулся на мое предложение объяснить, каким образом можно достичь беспроблемной жизни. Никто из присутствовавших под тем навесом так не жил. Вся их безмятежность была чисто показной.

Многолетние наблюдения подтвердили старую поговорку о том, что счастья за деньги не купишь (люди так говорят, но на самом деле едва ли в это верят). Возьмем, к примеру, тех, кто выиграл в лотерею, – обычных людей, вроде заводских рабочих, мелких бизнесменов и студентов. Ни с того ни с сего, они срывают куш, превышающий их самые смелые ожидания, и теперь им принадлежит весь мир, он лежит у их ног. Однако журналистские расследования снова и снова показывают, что такие «счастливчики» или становятся затворниками, или лишаются денег из-за каких-нибудь аферистов, или превращаются в отчаявшихся алкоголиков.

Аналогичная судьба постигла и многих из тех, кто выжил или стал героем во время знаменитой аварии 2002 года на шахте в Сомерсете, штат Пенсильвания. После того, как девятеро шахтеров оказались заблокированными под землей, город и вся страна напряженно наблюдали за организацией спасательных работ. Для точного определения точек бурения вентиляционных скважин был избран тридцатисемилетний геодезист Боб Лонг. Если бы он ошибся в расчетах, то люди под землей погибли бы, но, благодаря своим спутниковым геодезическим инструментам, Лонг нашел точное место. Всех девятерых шахтеров благополучно подняли на поверхность, и он мгновенно стал героем.

Как только стало известно об успешном завершении спасательной операции, церкви зазвонили в колокола, и люди вознесли Богу благодарственные молитвы. Однако вскоре все пошло наперекосяк. Наводнившие город представители национальной прессы за один день превратили обычных людей в знаменитостей, ссорящихся из-за времени в эфире. Некоторые из спасенных шахтеров получили солидные суммы за телевизионные права на освещение их истории и, обласканные всенародным преклонением, бросили работу.

Боба Лонга, который вмиг стал героем, ожидали съемки в фильме и телевизионный контракт, скрепленный чеком на 150 тысяч долларов – больше, чем он когда-либо видел в жизни.

Вскоре окружающие начали негодовать на Лонга. Кто-то из спасенных шахтеров пережил депрессию, потерю памяти, головные

боли и бессонницу, а жизни Боба Лонга ничего не угрожало. За что это, спрашивается, ему уделялось столько внимания?

Из-за внезапно свалившегося на него богатства, статуса знаменитости и гнева и недовольства общества Лонг сорвался в штопор. Однажды вечером его жена, вернувшись домой, увидела, что муж спит на диване в гостиной. Когда она разбудила Боба, тот не на шутку разозлился, что не может найти свои носки. Не успела жена понять, что происходит, как Лонг направился к своему потрепанному пикапу, достал оттуда девятимиллиметровый полуавтоматический пистолет «Glock» и приставил его к своей голове. Жена, которая вышла следом за ним на улицу, закричала: «Пожалуйста, не делай этого!» – но Лонг спустил курок, застрелившись прямо на глазах у потрясенной супруги.

Такое же разрушительное падение может постигнуть каждого, кто становится одержим деньгами. Несколько лет назад я навестил одного старого друга, с которым не виделся лет десять. Дэвид начинал с нуля. Уволившись из армии, он устроился работать на завод. Хотя у него не было специального образования, Дэвид обладал поразительным чутьем на потенциальные выгоды в каждом деле. Он занялся торговлей недвижимостью и вскоре сколотил целое состояние. При этом Дэвид всегда проявлял большую щедрость, жертвуя на самые разные достойные проекты. Когда я навестил своего друга в его прекрасном доме на океанском побережье Флориды, ему было уже под восемьдесят.

Расположившись на террасе, мы пили кофе и любовались вздымающимися волнами океана – завораживающее зрелище! Я поинтересовался у Дэвида, как он проводит здесь дни. «Я работаю над своими инвестициями», – ответил он. Когда я спросил, уделяет ли он время путешествиям, спорту или какому-нибудь хобби, он отрицательно покачал головой.

Когда я уже собирался уезжать, Дэвид пригласил меня взглянуть на его кабинет. Это была расположенная в задней части дома полутемная комната с единственным маленьким окном. В центре стоял массивный письменный стол, когда-то украшавший его кабинет в небоскребе, из окна которого открывался вид на его недвижимые владения в Атланте. На столе не было ничего, кроме простенького компьютерного монитора в окружении листов бумаги с инвестиционными расчетами.

«Ты что, сидишь здесь целый день?» – спросил я.

«Ага, – кивнул Дэвид. – Пока не закроются рынки».

Тогда я поинтересовался, зачем он дни напролет проводит в темном кабинете. У него, вне всякого сомнения, было достаточно денег для комфортной жизни и любой благотворительности. Дэвид

ответил: «У меня есть цель. Я хочу удвоить свое состояние прежде, чем умру», – и впервые за время нашего разговора он улыбнулся.

Ответ друга опечалил меня, хотя он и объяснил, что все его деньги после его смерти будут переданы на благотворительные проекты. Неужели такой должна быть цель? Неужели в этом состоит счастье?

Как это ни парадоксально, жажда имущества и денег – тех самых вещей, которые, как мы думаем, принесут радость и счастье, – в действительности лишают нашу жизнь смысла. Мы превращаемся в циничных материалистов. Жизнь становится банальной. Наши величайшие стремления оказываются пустотой, как это было в случае с Джеком Уэлчем – бывшим генеральным директором «General Electric», достигшим статуса культовой личности, чего так сильно жаждал Козловски. Уэлч постоянно повышал котировки акций «GE» ради прибыли ее акционеров, в том числе и своей, так что не случайно его собственный совокупный доход составил почти полмиллиарда долларов.

Когда он ушел на пенсию, компания предоставила ему право бесплатно пользоваться корпоративным самолетом, служебной квартирой в Нью-Йорке и другими привилегиями. Уэлч был очень популярным спикером, читал лекции в Гарвардской школе бизнеса и не только. Это была идеальная история американского успеха, которую омрачали разве что два неудачных брака.

После того, как Уэлчу сделали операцию на открытом сердце, один репортер спросил у него, не посетило ли его во время этого испытания какое-нибудь новое откровение. «Я не тратил достаточно много денег», – ответил Уэлч. Движимый этим «откровением», он дал себе зарок, что на его столе больше никогда не окажется вино дешевле, чем по сотне долларов за бутылку.⁹ Какая яркая иллюстрация пустоты материального успеха!

Жизнь стала лучше,
но мы чувствуем
себя хуже

Конечно же, деньги сами по себе не являются злом. В Библии сказано, что их оскверняет только любовь к ним.¹⁰ Нет ничего плохого в том, чтобы усердно трудиться, зарабатывать на жизнь, копить средства, повышать благосостояние собственной семьи, инвестировать в будущее и, кроме всего этого, жертвовать на благо окружающего нас мира. Все мы хотим, чтобы наши дети жили лучше, чем мы. Если мы достигли успеха, смогли избавиться от кредитных долгов, отложили что-то себе на старость, не забывали о помощи нуждающимся, и после этого у нас еще и остались в запасе какие-то деньги, то мы необычайно благословлены.

У меня много друзей, построивших успешный бизнес и скопивших немалое состояние, но я заметил, что самые счастливые из них – это те, кого не контролирует собственное богатство. Один из таких людей – мой близкий друг Доис Россер, автомобильный дилер из Тайдуотера, штат Вирджиния. В возрасте шестидесяти пяти лет, когда большинство мужчин уже уходят на покой, Доис на собственные средства основал служение и начал строить по всему миру церкви – от Кубы до Вьетнама, от Индии до Африки. Прошло уже почти двадцать лет, но он все так же продолжает перелетать с континента на континент.

После одного особо изнурительного путешествия Доис решил, что настало время обсудить будущее со своей семьей, и потому они с женой пригласили к себе на выходные своих троих дочерей с мужьями. В первый же вечер Доис объявил, что определился со своими планами в отношении имущества и объяснил дочерям, на какую часть наследства может рассчитывать каждая из них, если только они не решат оставить все благотворительному фонду, чтобы служение их отца могло работать и дальше.

Для принятия решения хватило единственного семейного собрания. Дочери и их мужья единодушно согласились с тем, что все состояние отца должно быть пожертвовано на строительство церквей.

Никто и никогда не смог бы сказать, что Доис одержим деньгами или что они контролируют его. Ему доставляло удовольствие умножать богатство, но еще больше ему нравилось отдавать это богатство нуждающимся людям. Деньги, власть и слава – это лишь инструменты, которые можно применить как на добро, так и на зло. Только в том случае, если мы считаем их самоцелью, они подавляют нашу человечность.

В пользу утверждения о том, что материализм не может породить истинное счастье, есть множество доказательств. Современные американцы – самая процветающая нация в истории человечества. Следовательно, если деньги открывают путь к удовольствиям, а удовольствия порождают счастье, то мы должны были бы считаться самым счастливым народом из всех когда-либо живших на нашей планете.

Но факт заключается в том, что это не так. В чем же причина? Именно этот вопрос рассматривает в своей провокационной книге «Парадокс прогресса: Когда жизнь становится лучше, но людям становится хуже» редактор журнала «New Republic» Грег

Истербрук. Он отмечает выдающийся прогресс, достигнутый со времен наших прапрадедов. Значительно увеличилась средняя продолжительность жизни; мы стали намного здоровее и забыли об угрозе таких ужасных болезней, как полиомиелит и оспа; покупательная способность среднестатистического американца в два раза превышает ту, которой обладали его родители в 1960-е годы, при этом несравнимо повысилось качество жизни.¹¹ Нам бы следовало быть очень счастливыми – приходит к заключению Истербрук, – тем не менее, по данным одного из социологических исследований, американцы занимают лишь шестнадцатое место в списке самых счастливых народов на земле. (На первом месте оказались нигерийцы.)¹² Американцы сказали интервьюерам, что страна движется ошибочным курсом, что их родители жили лучше, что они испытывают невероятные стрессы. Все больше людей глотает таблетки «прозака», «золофта» и других антидепрессантов. За период после Второй мировой войны число клинических случаев депрессии возросло в десятки раз. Помните, мы с вами говорили о парадоксах? Что ж, вот вам еще один. Жизнь стала лучше, но мы чувствуем себя хуже.

В корне этого парадокса лежат наши ошибочные убеждения об источнике счастья, что подтверждается одним потрясающим исследованием. В 2003 году профессор психологии из Гарварда, Даниэль Гилберт, при поддержке других исследователей: психолога Тима Уилсона из Виргинского университета, экономиста Джорджа Лоэнштайна из Университета Карнеги-Меллон и психолога, лауреата Нобелевской премии по экономике Даниэля Канемана из Принстона, – провел научное исследование, призванное выяснить, что же является источником счастья. Перед учеными стояла задача понять, каким образом мы принимаем решения, формирующие наше благополучие; что мы считаем средством обретения счастья и что, в действительности, ощущают люди, достигая намеченных целей. Другими словами, исследование должно было ответить на вопрос: «Насколько эффективно наши жизненные решения приводят к ожидаемым эмоциональным результатам?»

Выводы исследователей, опубликованные в нашумевшей статье в журнале «New York Times Magazine», заставили их всерьез задуматься, «что все ваши представления о жизненных решениях и о счастье были в лучшем случае наивными, а в худшем – в корне ошибочными».¹³ Гилберт и его помощники обнаружили, что люди завышают ожидания о силе и длительности эмоциональных реакций. В качестве примера исследователи приводят уверенность некоторых людей в том, что покупка автомобиля «BMW» сделает их жизнь идеальной. Подобные приобретения всегда приносят меньше радости, чем вы ожидали, и восторг от обладания такой вещью длится меньше,

чем вы предполагали. По словам Гилберта, проблема не в том, что вы не всегда получаете желаемое. Достижение желаемого зачастую не приносит той радости, которую вы предвкушали. Кроме того, вы «не всегда *знаете*, чего хотите», поскольку ваши желания имеют мало отношения к тому, что действительно ведет к счастью.¹⁴

По данным исследования, все больше свидетельств указывают на тот факт, что количество накопленных денег, превышающее уровень комфорта среднего класса, никак не влияет на наше счастье. Материальные приобретения не порождают счастья, а вот социальное взаимодействие и дружба, как обнаружили исследователи, приносят долговременное удовольствие.

Исходя из этого, можем ли мы сделать вывод о том, что наша человеческая природа сформирована особым, уникальным образом? Исследователи явно согласны с этим, доказывая, что наше поведение следует предсказуемой модели. Вот почему для нас так важно понимать, в чем заключается эта модель, которую данная книга называет естественным порядком жизни.

Все мы осознаем присутствие сражения внутри себя. Одна часть нашей природы говорит, что у жизни есть некая высшая цель, а другая хочет потакать всем нашим прихотям. Мы жаждем мгновенного удовлетворения желаний. В наш потребительский век, когда счастливую жизнь неизменно определяют в терминах имущества и благ, эти искушения оказывают на нас сильное давление.

Проблема в том, что, уступая своим примитивным желаниям, мы все глубже скатываемся в сибаритство, – и при этом чувствуем себя все хуже и хуже. Это то же самое, что пить соленую воду: чем больше вы пьете, тем сильнее жажда. Если вы не понимаете, как натрий влияет на человеческий организм, то не сможете разобраться, что происходит. Вы будете продолжать пить, считая, что еще больше жидкости сможет утолить жажду, но, вместо этого, соленая вода в конечном итоге убьет вас. Чем больше, тем для нас хуже.

Наша жизненная задача – смирить свою низменную природу и руководствоваться природой возвышенной, о присутствии которой, готов поспорить, все мы интуитивно знаем. Затем нам необходимо заново определить для себя и нашей культуры, что же такое, в действительности, счастье. Это – не гедонизм и не потакание своим прихотям. Стремление к счастью, как записано в Декларации неза-

Правда заключается в том, что счастье требует гораздо большего и намного меньше, чем общая сумма наших владений и удовольствий

висимости, – это Богом данное право. Однако в нашей коммерциализированной культуре слово «счастье» полностью утратило тот изначальный смысл, который в него вкладывали основатели США. Классическое значение этого слова – то, что греки называли «eudaimonia», добродетельная жизнь. И достичь ее можно только посредством честности, порядочности, благородства, добрых поступков. Вот каково определение и понимание счастья, которое необходимо возродить в жизни современной цивилизации.

Поразмышляйте об этом. На мгновение представьте себя на месте Козловски или какого-нибудь другого корпоративного захватчика, овладевшего роскошным имуществом. Вы действительно считаете, что, воруя сотни миллионов долларов, живя во дворцах и распивая дорогие вина, они испытывали покой? Все это могло принести разве что чувственные удовольствия, которых требует низменная природа, но я не верю, что они могли когда-нибудь дать ощущение настоящего удовлетворения и наполненной смыслом, целеустремленной жизни.

Правда заключается в том, что счастье требует гораздо большего и намного меньше, чем общая сумма наших владений и удовольствий. В действительности мы не жаждем несметных богатств. Мы хотим обрести ощущение своей значимости и полезности – чувство человеческого достоинства.

